

Содержание

Хронология	7
Предисловие	9
Благодарности	17
 Введение. Культ Черчилля	19
1 Мир империй.....	45
2 Стычки на внутреннем фронте	92
3 «Великая» война.....	131
4 Ирландское измерение	156
5 Буря, которая потрясла мир	192
6 Девять дней в мае 1926-го	230
7 Подъем фашизма	248
8 Япония стремится к господству в Азии.....	280
9 Война в Европе: от Мюнхена до Сталинграда.....	310
10 Индийский котел.....	343
11 Сопrotивление и репрессии.....	380
12 Истоки холодной войны: Югославия, Греция, Испания	406
13 Восток мертвый и Восток красный: Япония, Китай, Корея, Вьетнам	446

14	Замки на песке: перекройка границ на Арабском Востоке.....	466
15	Военные преступления в Кении	507
16	Прошлое — пролог к будущему: наследие Черчилля.....	523
	Эпилог	553
	Избранная библиография	555
	Примечания	558
	Предметно-именной указатель	581

Хронология

Уинстон Черчилль: слуга империи

- 1874 г. родился во дворце Бленхейм в Оксфордшире в семье члена парламента от консерваторов Рэндольфа Черчилля и богатой американской наследницы Дженни Джером.
- 1876 г. Рэндольф Черчилль становится личным секретарем вице-короля Ирландии, своего отца Джона Спенсера-Черчилля, после чего семья переезжает в Дублин.
- 1888–1895 гг. обучение в школе-интернате Хэрроу и Королевской военной академии в Сандхерсте.
- 1895–1899 гг. в звании второго лейтенанта зачислен в 4-й Ее Королевского Величества гусарский полк. Участие в боевых стычках на Кубе, в Индии и Судане дает материал для первых опытов в журналистике.
- 1899–1901 гг. увольняется из полка и начинает карьеру политика. В качестве вольноопределяющегося военного и журналиста участвует в событиях в Южной Африке.
- 1901–1904 гг. избирается от Консервативной партии в парламент, где представляет Олдем.
- 1904 г. переходит в Либеральную партию.
- 1906–1908 гг. заместитель министра по делам колоний в правительстве Кэмпбелл-Баннермана.
- 1908–1910 гг. получает должность министра торговли и промышленности в кабинете Асквита.
- 1910–1911 гг. министр внутренних дел в правительстве Асквита.
- 1911–1915 гг. первый лорд Адмиралтейства, с 1914 г. член Военного совета Асквита.
- 1915–1916 гг. вынужден подать в отставку с поста первого лорда Адмиралтейства под давлением консерваторов, поставивших это условием своего участия в коалиционном правительстве Асквита. Вновь вступает в армию и отправляется на Западный фронт, но уже через несколько месяцев добивается разрешения оставить действительную военную службу.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

1917–1919 гг.	министр вооружений в кабинете Ллойд Джорджа.
1919–1921 гг.	военный министр в правительстве Ллойд Джорджа.
1921–1922 гг.	министр по делам колоний. По результатам выборов 1922 г. теряет место в парламенте.
1924–1929 гг.	переходит в Консервативную партию. Канцлер казначейства в кабинете Болдуина.
1929–1939 гг.	выходит из Теневого кабинета в знак протеста против предоставления Индии статуса доминиона. Выведен из состава правительства 1931–1939 гг. Сочиняет бульварные исторические романы.
1939 г.	первый лорд Адмиралтейства в кабинете Чемберлена.
1939–1945 гг.	премьер-министр.
1945–1951 гг.	лидер оппозиции.
1951–1955 гг.	премьер-министр.
1955–1965 гг.	в отставке. Умер в 1965 г. в Лондоне в возрасте девяноста лет.

Предисловие

Нужна ли еще одна книга о Черчилле? Я не однажды задавал себе этот вопрос, но, кажется, так поступают очень немногие. Большинство людей, с которыми я разговаривал, в том числе многие из тех, кто не разделяет моих политических взглядов, были решительно настроены в пользу этого проекта. Причина этого проста и понятна. Сложившийся вокруг Черчилля культ буквально автоматически пресекал любую попытку серьезно обсудить его личность. Необходимость альтернативного взгляда ощущалась все острее, и вместо того, чтобы жаловаться на сложившееся положение, мне следовало самому заняться делом. Я не хочу сказать, что все историки, занимавшиеся Черчиллем, были лишены критических способностей. По теме написано несколько очень неплохих книг, и дальше я буду ссылаться на них. Но сейчас речь не столько об альтернативном взгляде, сколько о защите права на такой взгляд. Сам Черчилль, при всех его недостатках, всегда обожал политические дуэли и становился их зачинщиком не реже, чем мишенью. Его эпигоны обладают гораздо меньшей политической и интеллектуальной уверенностью в себе и склонны относиться к любой серьезной критике как к *lèse-majesté**: вот уж Черчилля оплевывать мы никому не позволим. Это совершенно неприемлемо.

* *Lèse-majesté* (фр.) — оскорбление величества. — *Прим. пер.*

Участники одной антикапиталистической демонстрации в 2000 г. обрызгали статую Черчилля на Парламентской площади красной краской, а на голову ей водрузили кусок земли с газона, придав получившейся прическе сходство с ирокезом. Тогдашний премьер-министр Тони Блэр был в ярости. Его пресс-секретарь записал в дневнике, что он «отреагировал несколько чрезмерно, заявив, что “такого рода вещи никогда не должны повторяться”, и посоветовав впредь проводить подобные демонстрации за пределами Лондона». Обрызгивания краской — то чаще, то реже — продолжались и в последующие годы, достигнув пика в 2020 г., когда активисты движения Black Lives Matter намалевали на постаменте статуи: «Черчилль был расист».

Это далеко не самое страшное обвинение, которое можно выдвинуть против Черчилля, но оно вызвало бурю негодования. Дальше — больше. В феврале 2021 г., когда работа над книгой подходила к концу, мне прислали приглашение на зум-конференцию в Черчилль-колледже в Кембридже, где предполагалось обсудить политику человека, в честь которого колледж получил свое название. Из участников конференции двое были выходцами из Южной Азии. Одна из них, профессор Прия Гопал, была и остается сотрудником колледжа. Нет ничего удивительного, что общий тон выступлений оказался критическим, поскольку дискуссия сосредоточилась на колонизации Индии и ее последствиях, в особенности на голоде в Бенгалии*.

Дискуссия прошла в спокойной атмосфере, но за ней последовала шумиха, поднятая в консервативной прессе. Газета *The Daily Telegraph* так озаглавила свой материал от 11 февраля: «Участники рабочей группы в Черчилль-колледже заявляют, что премьер-министр военного времени был белым расистом и “хуже нацистов”». На самом деле никто ничего подобного не заявлял, но уже и этого хватило, чтобы сэр Николас Соумс (внук Черчилля) развернул знамя всеобщего негодования. Как

* Подробнее см. главу 10 настоящей книги. — Прим. науч. ред.

хорошо известно всем, кто регулярно читает сатирический журнал *Private Eye*, интеллектуальное здравомыслие не принадлежит к числу свойств натуры Соумса, и его вмешательство лишь подтвердило этот факт. Однако он был живым потомком политика и целиком предоставил себя в распоряжение сил, ополчившихся на инакомыслящих.

Спонсоры пригрозили отозвать финансирование, семья негодовала, и колледж в спешке распустил свою рабочую группу по теме «Черчилль, раса и империя», которая и организовала наделавшую столько шума конференцию. В знак протеста против этой капитуляции активисты местной ячейки движения Extinction Rebellion (XR) в ту же ночь аккуратно вывели краской слова «Черчилль был расист» на одной из кирпичных стен здания колледжа.

Соумс охарактеризовал дискуссию в колледже как «новое дно в нынешней моде на огульное охаивание британской истории вообще и памяти сэра Уинстона Черчилля в частности» и пригрозил публично поставить ребром вопрос о том, заслуживает ли колледж и дальше носить имя Черчилля после проведения в своих стенах столь возмутительного мероприятия. Разумеется, обе стороны спора могли бы предложить лучшие имена: Уэлсли* или Керзон** от сторонников прославления империи и Ганди или Мандела от их противников. Тем временем группа быстрого реагирования кембриджских XR ответила Соумсу:

В нашем городе множество учреждений, деньги на которые получены благодаря эксплуатации и колониализму. Мы не намерены мириться с тем, что колледжи Кембриджа вводят цензуру, скрывая правду о своих грязных связях в прошлом и настоящем. Наш город, как и страна в целом, отчаян-

* Скорее всего, автор имеет в виду Артура Уэлсли, 1-го герцога Веллингтона (1769–1852), победителя Наполеона при Ватерлоо в 1815 г. — *Прим. науч. ред.*

** Джордж Натаниэль Керзон (1859–1925) — вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924). — *Прим. науч. ред.*

но нуждается в открытом и честном взгляде на наследие Британской империи, которая нанесла огромный ущерб людям по всему земному шару и продолжает причинять вред даже сегодня. С каждым днем все очевиднее становится глубокая взаимосвязь между вопросами глобальной, расовой, социальной и климатической справедливости. Уверенность в том, что обладатели денег, власти и военной силы имеют право как угодно эксплуатировать планету и ее жителей, подразумевает ответственность как за колониализм, так и за нынешнюю критическую ситуацию с климатом и экологией. Мы очень многому научились у борцов с расизмом и не позволим заматывать расистскую историю Великобритании под ковер.

Таким образом, спор продолжается. Эта книга — еще один камень все в тот же огород. Она не заикливается исключительно на самом Черчилле и не является биографией в традиционном смысле. Черчилль здесь рассматривается как представитель правящего класса, боровшегося против рабочих и инакомыслящих в своей стране и построившего гигантскую империю за ее пределами. Именно это сочетание обеспечило разгром организаций рабочего класса в Великобритании и колонизацию огромных территорий в Азии и Африке. Не изучив историю всех тех, кто сопротивлялся империализму внутри страны и в колониях, нелегко осознать, почему имя Черчилля до сих пор вызывает враждебность.

Полвека назад в Пномпене за обедом я разговаривал с Лоуренсом Дэйли, лидером шотландских шахтеров. В беседе затрагивались разные темы. Грохот бомб, падавших на Вьетнам, эхом разносился по всему региону. Дэйли был самоучкой, у него была от природы светлая голова, и он не принадлежал ни к одной политической партии. Разговор зашел о Великобритании. Чем, по его мнению, объясняется проигрыш Черчилля на выборах 1945 г.? Что случилось с бережно пестуемым образом великого военного лидера? После секундного промедления Дэйли ответил: «Никакой загадки здесь нет. Благодаря тори страна оказа-

лась по уши в дерьме. Люди чувствовали, что, если они опять выберут Черчилля, тот заставит их присесть по команде».

Как отметил Эрик Хобсбаум в своей книге «Индустрия и империя» (*Industry and Empire*), после ста пятидесяти лет постоянного роста британская экономика оказалась в бедственной ситуации, а массовая безработица превратилась в угрозу социальному спокойствию. Черчилль пытался обратить этот процесс вспять, прибегая к любым мерам, которые казались ему необходимыми. Его излюбленным методом было использование силы. В этом он останется непреклонным, ни разу не дрогнет — и не раскается. Он так до конца и не понял, что успехи Америки и Германии во многом обусловлены взлетом научных исследований и развитием технологий. Британские университеты не реформировались, и они продолжали работать по старинке, упустив момент, когда еще можно было догнать США и Германию. Самодовольный правящий класс Великобритании, вскормленный плодами империи, оказался неспособным сократить отставание. Победа 1945 г., прославляемая как «звездный час» Черчилля, обернулась для Британской империи тяжелым поражением.

Черчиллю и его имитаторам — лейбористам Эттли* и Беви-ну** — потребовалось некоторое время для того, чтобы полностью осознать значение этого факта. Черчилль соглашался на роль второй скрипки, если ему предоставлялась возможность изображать первую, выступая с прокламациями в духе холодной войны, которые чаще всего забавляли, а иногда раздражали новых хозяев западного мира. Руководители США внешне потакали ему, а сами тем временем следовали своим курсом,

* Клемент Эттли (1883–1967) — лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании (1945–1951). С 1942 по 1945 г. был заместителем У. Черчилля в военном кабинете. — *Прим. науч. ред.*

** Эрнест Бевин (1881–1951) — деятель профсоюзного движения Великобритании, занимал пост министра труда в военном кабинете У. Черчилля; министр иностранных дел в правительстве К. Эттли (1945–1951). — *Прим. науч. ред.*

с переменным успехом прибирая к рукам европейские и японские колонии.

Врожденный расизм Черчилля никуда не делся и стал проявляться внутри страны, когда нехватка трудовых ресурсов вызвала потребность ввозить рабочих из бывших колоний в Вест-Индии и Южной Азии. В последние недели своего пребывания на Даунинг-стрит он, как и прежде, был непреклонен. Министр обороны в его правительстве Гарольд Макмиллан (позднее ставший премьер-министром) 20 января 1955 г. записал в своем дневнике: «[В кабинете] продолжается обсуждение вопроса об иммигрантах из Вест-Индии. Предлагается законопроект, но эта проблема не из легких. По мнению п.-м. [Уинстона Черчилля], “Сохраним Англию белой” — неплохой лозунг»¹. Лет десять спустя, столкнувшись с выкриками расистов на одном из уличных митингов, я закричал им в ответ: «Мы здесь, потому что вы были там. И у нас тут еще лет сто пятьдесят в запасе». На какое-то время они заткнулись, но не думаю, что им удалось до конца понять эту диалектику. Черчилль ее тоже не понял.

Ровно это я и пытаюсь продемонстрировать в своей книге, сопровождая описание жизни Черчилля-политика политическим и историческим анализом, который идет вразрез с его взглядами и взглядами его многочисленных последователей. Центральная тема — история бескомпромиссного сопротивления (слабого или сильного), борьба рабочего класса и восстания в колониях; таким образом, книга вступает в диалектические отношения с текстами, авторы которых боготворят Черчилля.

Возникшее в последние годы антиколониальное движение в университетских кампусах по всему миру стало дополнительным стимулом для написания книги о Черчилле. Еще одним толчком стало то, что Барак Обама и чуть позже Джо Байден убирали бюст Черчилля из Овального кабинета (до терактов 11 сентября и начатой Джорджем Бушем — младшим войны в Ираке и Афганистане лишь немногим было известно, что такой бюст вообще существовал). Они поступили так из-за зверств британцев в Кении и той роли, которую Черчилль

сыграл в Ирландии, — двух преступлений империи, в которых он обвиняется в этой книге. Однако удаление бюста было жестом скорее символическим. Обама и Байден выступают как новые колонизаторы, как современные наследники Черчилля и Керзона, короля Леопольда* и Салазара**. Страна, которой они руководят, — единственная подлинная империя современности, ее позиции намного сильнее, чем у Британской империи даже на пике ее могущества, и на совести Америки больше военных преступлений, чем у любой другой страны мира.

Противники колониализма в Великобритании и антирасисты в Соединенных Штатах снесли или потребовали убрать статуи рабовладельцев и негодяев, таких как Родс*** (которым Черчилль крайне восхищался). Статую самого Черчилля всего лишь измазали красной краской, отметив таким образом День памяти жертв империи. Я не сторонник сноса его статуи, как и памятников большинству других великих полководцев империи и военачальников рангом пониже. Это было бы неразумной попыткой стереть три столетия британской истории. Похожий процесс в Соединенных Штатах означал бы разрушение памятников большинству отцов-основателей просто в силу того, что они были рабовладельцами.

Гораздо важнее было бы потребовать — и реализовать — права на установку мемориальных табличек с критикой официальной точки зрения, чтобы те, кто приходит осмотреть ту или

* Король Бельгии Леопольд II (1865–1909), в его личном владении находилось так называемое Свободное государство Конго, в котором была организована система жестокой эксплуатации африканцев. Подробнее см. подглавку «Дележ Африки» в главе 1 данной книги. — *Прим. науч. ред.*

** Антониу ди Салазар являлся правителем Португалии с 1932 по 1968 г. Был последовательным сторонником сохранения колониальных владений в Африке. — *Прим. науч. ред.*

*** Сесил Родс (1853–1902) — британский и южноафриканский политический деятель, получил славу «строителя империи», также занимался филантропией. В 2015 г. в ЮАР развернулась кампания за снос памятника Родсу в Кейптаунском университете. Схожие требования стали выдвигаться и к руководству Оксфордского университета в Великобритании, которому Родс пожертвовал значительную сумму денег. — *Прим. науч. ред.*

иную достопримечательность, смогли ознакомиться с обеими позициями в этом споре и составить на этот счет собственное мнение. И разумеется, нужно требовать установки новых памятников — тем, кто находился по другую сторону баррикад. Настоящая книга написана именно ради этого — чтобы бросить вызов сложившемуся историко-политическому консенсусу, который выглядит незыблемым, но, по сути, весьма уязвим. Именно благодаря этому история остается волнующей, противоречивой, наполненной конфликтами повестью о том, что происходило с людьми по всему миру, какой она и была всегда.

Благодарности

В самом начале следует особо подчеркнуть, что никто из тех, кто мне помогал, не несет ответственности за аргументацию и выводы этой книги. Один из них — Майк Дэвис, мой старый товарищ из Калифорнии и выдающийся историк, который еще около десяти лет назад доказывал, что такую книгу необходимо написать. Надеюсь, что он не слишком разочарован. Я прежде всего благодарен моим издателям: Джоанн Выпиевски из Буффало, штат Нью-Йорк, и Лео Холлису из закрытого на локдаун Лондона. Лео, конечно, давно привык к моим эксцентричным заявлениям и старается по возможности удалять их из текста. Он настоял на том, чтобы я объединил одни главы книги и изменил структуру некоторых других, что в итоге оказалось весьма полезным. Джоанн — мой старинный друг и очень требовательный издатель. В сочетании их усилия дали прекрасный результат.

За помощь на первом этапе исследований, подразумевавшем знакомство с обширным списком литературы, я должен поблагодарить Пабло Брэдбери, который в то время работал стажером в издательстве Verso. За прочтение и составление рецензий на три книги о голоде в Ирландии и Индии, а также на роман самого Черчилля я должен сказать спасибо моему внуку Джордану Бомонту, чей промежуточный год между школой и университетом совпал с локдауном. Его брат Алим спас рукопись при

внезапной поломке компьютера и потребовал за это свои десять фунтов. Себастьян Баджен, как обычно, пришел на помощь, переслав мне множество полезных документов из самых разных источников.

За доступ к материалам личного и политического характера, весьма пригодившихся мне для главы о Греции, я очень признателен Гелле Скурас, с которой мы дружим с 1967 г., а также Джейн Гэбриел, которая (с помощью Геллы) выпустила на 4-м канале документальный фильм о гражданской войне в Греции, ставший потрясением для британского истеблишмента. Дэниел Финн, мой коллега по журналу *New Left Review*, прочитал в рукописи главу об Ирландии и указал на некоторые ошибки. Он предлагал добавить или убрать кое-какие части, но в конце концов дал мне зеленый свет. Дэвид Харви поделился со мной очень личным эпизодом из своей биографии.

По мере того как нарастал беспорядок в моем кабинете, местный умелец и сторонник Корбина Джон Пёрселл, пришедший совсем по другому делу, за неделю собрал для меня вращающуюся книжную полку — крайне облегчивший мою жизнь и очень товарищеский поступок, который я никогда не забуду.

Со стороны издательства Verso контроль за качеством осуществляли Марк Мартин в Бруклине и Боб Бхамра в Лондоне. Тим Кларк, уже накопивший большой опыт, выступил в качестве литературного редактора.

Я от души благодарен им всем, а также многим другим людям.

Тарик Али
Лондон, 20 сентября 2021 г.

ВВЕДЕНИЕ

Культ Черчилля

Несчастлива та страна, которая нуждается в героях.

БРЕХТ. Жизнь Галилея

Прежние наши раздоры приписывайте не человеческой природе, а условиям тех времен. Ныне же, когда времена переменились, вы можете установить лучшее правление и надеяться на лучшую судьбу для отечества.

МАКИАВЕЛЛИ. История Флоренции

30 мая 1945 г., через месяц после того, как Гитлер совершил самоубийство, а Берлин был освобожден Красной армией под командованием Георгия Жукова и Ивана Конева, через двадцать один день после того, как Вторая мировая война в Европе закончилась капитуляцией Германии, самый уважаемый британский историк либерального направления Дж. М. Тревельян выступил с публичной лекцией в переполненном зале Конуэй-холл, расположенном на Ред-Лайон-сквер, в центре Лондона. Ни победа союзников, ни Уинстон Черчилль в лекции не упоминались. Ни разу.

Вместо этого Тревельян упорно придерживался заявленной темы — «История и читатель». Прославившись в свое время тем, что отверг понимание истории как точной науки, он предложил свой, альтернативный взгляд на предмет, в рамках которого он, в отличие от «занудных» историков, подчеркивал важ-

ность истории одновременно как рассказа о событиях прошлого, опирающегося на проведенные со всей возможной тщательностью исследования, и как рода литературы. Однако ж он не смог отказать себе в легком намеке на недавние события и сделал это не без толики типично английского самодовольства. Великобритания, сказал он, обладает сбалансированным подходом к истории. Последуй другие страны ее примеру, и мир, возможно, был бы лучше просвещен.

Тон его выступления был исполнен величия, а поза являла собой позу античного мудреца. «Некоторые страны, — заявил он, — такие как Ирландия, *слишком* заиклены на истории, в том смысле, что они вообще не способны освободиться от прошлого». «Тем же немцам, — заметил он далее, — была навязана односторонняя ультрапатриотическая версия исторических событий. Вред, проистекающий от подобного одностороннего взгляда на историю, в современном мире не поддается измерению. Если история используется как разновидность пропаганды, она становится смертельным оружием». Единственной альтернативой была «история в том виде, в котором она сейчас преподается и пишется в Англии. Здесь, у себя дома, мы больше страдаем от незнания истории, чем от злоупотребления ею».

Эта последняя фраза по-прежнему сохраняет актуальность. Историю Англии саму по себе невозможно понять без учета того, что с ней тесно переплетены истории других народов. Тревельян не посчитал нужным как-то объяснить причины, по которым, например, ирландцы одержимы историей. Возможно, ему следовало обратить внимание на слова своего единомышленника: «Что знают об Англии те, кто только Англию знают?» — горестно восклицал Киплинг.

Далее Тревельян пустился в подробные разъяснения, каким образом культурные предрассудки и незнание истории могут отправить древние цивилизации (за пределами Греции и Рима) на свалку. На этом спотыкались даже самые лучшие историки. Будучи королевским профессором истории в Кембридже, он с высоты своего положения упомянул Карлейля и Маколея

(который приходился ему двоюродным дедом) и обратил внимание на то, что и они испытывали те же затруднения. Каким образом? Войдя в роль старосты цеха официальных историков, Тревельян рассудил, что те «больше преуспели бы в своем ремесле как историки, если бы смогли прослушать академический курс истории, который читался в конце XIX в. — живи они в это время, — а не в его начале».

Намереваясь создать классификацию ученых-историков, Тревельян затем погрузился еще глубже, в XVIII в.: «В лице Гиббона история и как наука, и как искусство достигла своей вершины, и с тех пор это достижение никому не удалось превзойти». Правда, в период с 1776 по 1789 г., когда состоялась первая публикация его «Истории упадка и разрушения Римской империи»*, среди читателей преобладали другие мнения. Шеститомник Гиббона был пронизан духом интеллектуальной свободы, а его бесстрашные нападки на христианство за ту роль, которую оно сыграло в упадке Рима, у многих вызывали как льстивое одобрение, так и осуждение. Епископы официальной церкви вышли на тропу войны, а оппозиционно настроенный Уильям Блейк** проклял автора за издевательский тон. Судя по всему, в чем-то Гиббон был прав.

Критически написанной — в духе Гиббона — истории Британской империи так, увы, и не появилось. Помимо прочего, в ней фигурировало бы христианство, а также ислам (Гиббон без каких-либо предвззудков допускает, что, если бы последователи Пророка не проиграли одну или две ключевые битвы,

* Первый русский перевод (сокращенный) В. Н. Неведомского был опубликован под этим названием в Москве в 1883–1886 гг. (тип. В. Ф. Рихтера). Переиздан в исправленном и дополненном виде в 1997–2000 гг. в Санкт-Петербурге (изд-во «Наука» РАН совместно с «Ювентой»). — *Прим. пер.*

** Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт, художник и гравер; находился под влиянием идеалов Войны за независимость североамериканских колоний и Французской революции. Его критика распространялась не только на труды Э. Гиббона, но и на работы других историков эпохи Просвещения. Блейк считал, что сами человеческие действия являются историей, а не тот смысл, который в них вкладывают историки. — *Прим. науч. ред.*

Нотр-Дам вполне мог бы стать очаровательной мечетью, а сладкозвучный арабский язык Корана слышался на вечерних церковных службах в Оксфорде). Если бы такая история была написана в конце XIX или в начале XX в., она обязательно вызвала бы оживленное обсуждение проблем империи и заставила бы позднейших историков (на ум приходит Мэри Маргарет Кей*) быть более осторожными в своих оценках и гипотезах. Она также повысила бы качество школьного и университетского образования.

Читатель может спросить: какое отношение все это имеет к Уинстону Черчиллю?

Точно так же как нам никогда ранее не приходилось сталкиваться с правдой об империи, нам не удавалось как следует присмотреться и к нашим привычным домашним божествам. Таким образом, честного и откровенного исторического разбора до сих пор так и не получилось. Тревельян практически проигнорировал фигуру Черчилля в своей 900-страничной «Истории Англии» (History of England). Он упоминает его всего в трех местах: первый раз — как убежденного сторонника «фритредерства»** в кабинете Бальфура, второй раз — как члена Либеральной партии, «осматривающегося вокруг в поисках своего королевства», и, наконец, в рассказе о событиях 1940 г., когда Англия, столкнувшись с «наивысшей опасностью» и вспомнив «былое мужество», «в лице Уинстона Черчилля обрела свой символ». То, что этот символ напрочь отсутствовал в выступлении Тревельяна в Конуэй-холле, помогает взглянуть на факты в некоторой перспективе.

Вместо того чтобы стать предметом тщательного исторического анализа, Черчилль превратился в отполированную икону,

* Мэри Маргарет Кей (1908–2004) — британская писательница, ее самый известный исторический роман — «Далекие шатры». Его главный герой — британский офицер, которого воспитала индийская няня, ставшая его приемной матерью. Действие разворачивается на фоне Большой игры между Британской империей и Россией в Центральной Азии. — *Прим. науч. ред.*

** Свободы торговли (англ. free trade). — *Прим. науч. ред.*

культ которой давно вышел из-под какого-либо контроля. Любопытно, что на протяжении всех пяти стадий его жизни — заграничных приключений, Первой мировой войны, двадцатилетнего перемирия в «европейской гражданской войне», Второй мировой войны и заключительного периода его пребывания в должности — это был весьма сдержанный культ. Даже в разгар немецкого Блица не было и в помине ничего подобного тому, что произошло позднее усилиями политиков-тори и целой плеяды консервативных и либеральных историков.

Двум кинофильмам, вышедшим в 2017 г., предшествовали многочисленные биографии. На сегодняшний день о Черчилле написано более 1600 книг. Ему посвящено несколько полок в отделе биографий Библиотеки Лондона, а еще больше — в Британской библиотеке, и это не считая обильных плодов его собственного литературного творчества. Среди биографий особое место занимает тяжеловесное надгробие в восьми томах, сооружение которого стало делом жизни сэра Мартина Гилберта, а основание заложено еще сыном Черчилля Рэндольфом. Есть консервативная версия биографии за авторством Эндрю Робертса, а чуть раньше вышла более краткая биография от Роберта Блейка. Кроме того, существует написанная в великолепном стиле и с изумительной ясностью 1000-страничная книга прекрасно эрудированного либерального политика Роя Дженкинса. Помимо перечисленных, есть и другие работы, публиковавшиеся по большей части в 1980-е гг. или позднее. Самой объективной является биография, написанная Клайвом Понтингом, но, к сожалению, весь ее тираж распродан. Из последних новинок стоит упомянуть книгу («бестселлер номер один», ни много ни мало) за авторством Бориса Джонсона, нынешнего премьер-министра Соединенного Королевства*.

Книга Джонсона на многое открывает глаза. В то время как некоторые консервативные историки выражают досаду по поводу той очевидной легкости, с которой Черчилль пере-

* Борис Джонсон занимал пост премьер-министра с 2019 по 2022 г. — *Прим. науч. ред.*

ходил из одной политической партии в другую, — Роберт Родс Джеймс подчеркивает, что колеблющаяся позиция Черчилля до 1939 г. вызывала заслуженную критику современников, — Джонсон дает понять, что на протяжении значительного отрезка своей политической карьеры Черчилль вел себя как человек, не принадлежащий ни к одному лагерю и ожидающий наступления своего звездного часа. Этот час, согласно общепринятому мифу, настал в 1939 г. Но даже здесь историки не могут прийти к согласию. Черчилль, как утверждают некоторые, был ярким противником политики умиротворения агрессора и буквально спас положение. В отличие от них, Джон Чармли в своей вышедшей в 1993 г. книге «Конец славы» (*The End of Glory*) настаивал на том, что карьерный оппортунизм Черчилля стал причиной многочисленных ошибок. Отказавшись вести переговоры о мире с Гитлером в 1940 г. и обратившись вместо этого за помощью к США, Черчилль приблизил закат Британской империи.

В своей неопубликованной дневниковой записи Чипс Ченнон* вспоминает неудачный клубный обед в компании других сторонников умиротворения из Консервативной партии в тот день, когда Черчилль в качестве нового премьер-министра был допущен к монаршей руке в Букингемском дворце. Он приводит слова, сказанные Ричардом Батлером**: «Теперь в качестве премьера у нас полукровка». На следующий день или чуть позже председатель образованного консерваторами-заднескамеечниками «Комитета 1922 г.»*** доложил, что «три

* Генри Чипс Ченнон (1897–1958) — британский политик американского происхождения, поддерживал политику умиротворения Н. Чемберлена. Неоднократно посещал нацистскую Германию в 1930-е гг., с одобрением высказывался о проводимой Гитлером политике, в своих дневниках благожелательно отзывался о созданных нацистами лагерях, в которых содержались противники режима. — *Прим. науч. ред.*

** Ричард Остин Батлер (1902–1982) — британский политик, член Консервативной партии, последовательный сторонник политики умиротворения Германии, в 1938–1941 гг. занимал пост парламентского заместителя министра иностранных дел Великобритании. — *Прим. науч. ред.*

*** Комитет объединял рядовых парламентариев (так называемых заднескамеечников) Консервативной партии. — *Прим. науч. ред.*

четверти членов комитета готовы дать Черчиллю пинка» и вернуть Невилла Чемберлена, архитектора Мюнхенского соглашения с Гитлером. В книге «Фактор Черчилля» (The Churchill Factor) Борис Джонсон яркими красками рисует ту ненависть, которая изливалась в адрес Черчилля со стороны целого ряда консервативных членов парламента, и целиком становится на сторону своего героя: «Чтобы руководить страной в условиях войны, Черчиллю было необходимо обуздать не только унылых героев Мюнхена — Галифакса и Чемберлена, — но и сотни консерваторов, которые привыкли думать о нем как об оппортунисте, перебежчике, хвастуне, эгоисте, дряни, пройдохе, невеже и, если судить по нескольким хорошо известным эпизодам, как о конченом пропойце». Далее он цитирует письмо Нэнси Дагдейл своему мужу Томми, стороннику Чемберлена в парламенте, который в то время находился на военной службе. Она описывает настроения, царившие внутри Консервативной партии:

Они относятся к У. Ч. с абсолютным недоверием, как ты знаешь, и они ненавидят его хвастливые выступления на радио. У. Ч. действительно является английской копией Геринга — жаждущей крови, блицкрига и раздувшейся от самомнения и переедания, а в его жилах течет такое же вероломство вперемишку с героической риторикой и пустым бахвальством. Не могу выразить, насколько все это меня угнетает¹.

Кем и чем был Черчилль? Был ли он всего лишь пухлым карпом, с радостью готовым плавать даже в самом грязном водоеме, если при этом удовлетворялись его собственные карьерные устремления, а также нужды империи (разницы между первым и вторым для него не существовало)? Наверное, в нем было и еще что-то, однако едва ли слишком много. Чем же в таком случае объясняется его превознесение — и обретение им статуса культовой фигуры?

Культ в строгом смысле слова, со всеми сопутствующими эксцессами возник далеко не сразу после окончания Второй миро-

вой войны. Энтони Барнетт*, выступая с острой критикой Фолклендской (Мальвинской) войны, которую в 1982 г. устроило правительство Маргарет Тэтчер, предположил, что зарождение «черчиллизма» было связано с необходимостью пропагандистского обеспечения этого конфликта. Его горячо и весьма неожиданно поддержал Майкл Фут, тогдашний лидер лейбористов. Вот как пишет Барнетт:

Черчиллизм служит как бы каркасом, который основные течения британской политической культуры оплетают своими разноцветными нитями. Несмотря на то что в его символической основе находится реальная историческая фигура военного времени, черчиллизм в корне отличен от личности самого Черчилля. Как известно, настоящего Черчилля лишь против его воли и с большим трудом удалось поместить в рамки политических практик и партий, которые он вроде как воплощал собой. Но идеология представляет собой нечто гораздо большее, чем влияние отдельной личности, — и как раз это является секретом ее силы и живучести².

Можно добавить, что эта сфабрикованная любовь к Черчиллю и то, как используется его образ, стали выражением ностальгии по империи, которая давно ушла в небытие, но которую в свое время поддерживали все три основные политические партии**, а также крупные профсоюзы³. «Славные дни» прошлого прочно укоренились в историческом сознании британцев. И как только возникала необходимость — как это случилось в 1982 г., когда обществу очень трудно было смириться с реальностью, в которой Великобритания была всего лишь парой ост-

* Энтони Барнетт (род.1942) — британский публицист, журналист и политический активист левого толка. Сотрудничает со многими левыми и леволиберальными изданиями Великобритании. Создатель медиаплатформы openDemocracy. — *Прим. науч. ред.*

** Имеются в виду Консервативная, Либеральная и Лейбористская партии Великобритании. — *Прим. науч. ред.*

ровов на севере Европы, — на помощь призывалось имя Черчилля. Победоносная война Тэтчер обеспечила ей еще один срок пребывания в должности премьер-министра и сформировала ее героический образ женщины-лидера. В своих выступлениях она даже стала называть Черчилля по имени — Уинстон, как если бы была знакома с ним лично.

Социальный историк Пол Аддисон соглашается с Барнеттом в том, что конфликт на Фолклендах сыграл важную роль в перезапуске культа Черчилля. В своем обзоре четырех новых книг, вышедших в 1980-е гг., он высказал мнение, что наблюдаемый культурный и политический регресс можно объяснить неудачной попыткой модернизации страны, предпринятой Гарольдом Уилсоном* и Эдвардом Хитом** в 1960-х и 1970-х гг.: «Как минимум в духовном смысле Черчилль пережил их всех и вновь занял свое место в британской политике в качестве одного из домашних идолов — хранителей миссис Тэтчер». Далее, однако ж, Аддисон пишет, что в те же самые десятилетия он почувствовал освежающее дуновение, способное снести старую пыльную паутину: «Патриотический пафос — за исключением фильмов о Джеймсе Бонде, где он демонстрируется как форма упадка и саморазрушения, — был оскорбителен для духа времени. Старые военно-империалистические сюжеты стали приемлемы лишь настолько, насколько в них присутствовали антивоенные настроения и социальная сатира, как в фильме Тони Ричардсона «Атака легкой кавалерии» (Charge of the Light Brigade)⁴.

Когда в 1974 г. в Ноттингемском театре состоялась премьера пьесы Говарда Брентона «Черчилль» в постановке Ричарда Эйра, она была тепло принята публикой и получила благоприятные отзывы большинства критиков. Степенный и уважаемый Гарольд Гобсон в своем отзыве на пьесу, опубликованном

* Гарольд Уильсон (1916–1995) — британский политик-лейборист, премьер-министр Великобритании (1964–1970, 1974–1976). — *Прим. науч. ред.*

** Эдвард Хит (1916–2005) — британский политик-консерватор, премьер-министр Великобритании (1970–1974). — *Прим. науч. ред.*

в *The Sunday Times*, выразил некоторое удивление ее резким тоном — однако пьеса, как ему показалось, наводила на размышления: «Навязчивая и тревожная мысль, выраженная в мощной пьесе мистера Брентона, заключается в том, что человек, которого Англия избрала своим лидером [в 1940 г.], был не тем, кто ей нужен...»

Пьеса начинается со сцены похорон Черчилля. Люди в военной форме, несущие гроб, вдруг слышат громоыхания, которые доносятся из катафалка. Они в ужасе смотрят друг на друга:

ВОЕННЫЙ МОРЯК: Сейчас он вылезет! Сейчас он вылезет!

Я верю, что он сможет. Такой, как он, способен на все. (Яростно.) Так приструнить рабочих! (Давится кашлем. Откашливается. Яростно.) Мы в Уэльсе ничего ему не простили. Он войска против нас посылал, все руки в крови. Против уэльских шахтеров в 1910-м солдат посылал... Он был нашим врагом. Ненавидели мы его тушу жирную. Тушу эту жирную английскую аристократическую. Когда они собирали деньги на статую перед зданием парламента... Ни один городской или окружной совет во всем Уэльсе не стал в этом участвовать...

РЯДОВОЙ: Дык он ж войну выиграл. Это уж, как ни крути, его заслуга.

ВОЕННЫЙ МОРЯК: Войну выиграл народ. А он просто бухал со Сталиным...

ЧЕРЧИЛЛЬ (из гроба): Англия! Старая дура! Ты вконец износилась! Недостойная. Неблагодарная. После всего, что я сделал для тебя. Жалкая шлюха!

ЧЕРЧИЛЛЬ: *вырывается из гроба, замотанный в британский флаг. Актер, играющий Черчилля, должен точно его скопировать. Его лицо — маска. В пальцах он сжимает незажженную сигару. Военный караул поворачивается и расступается, держа винтовки на изготовку.*

В Соединенных Штатах успехи в продвижении образа Черчилля, которого изображали «янки Мальборо»*, напрямую зависели от менявшихся приоритетов на фронтах науки и культуры.

В середине 1980-х гг. тэтчеровско-рейгановский экономический консенсус потребовал корректировок в политической и культурной сферах, а также изменений в массовой психологии, соответствующих духу начала эпохи нового мирового порядка. Для глобального англоязычного рынка понадобились новые истории. Как следствие, под этот запрос стали адаптировать многочисленные британские документальные фильмы, художественные фильмы и сериалы. Из фондов британской индустрии культуры для американской публики подходили экранизации произведений Джейн Остин, причем каждая последующая была еще грубее и тупее, чем предыдущая. С неменьшим удовольствием американцы потребляли костюмные мыльные оперы, где прославлялись представители правящих классов эпохи до 1945 г. Черчилль стал исправным источником калорий в этом рационе. Британский актер Роберт Харди умудрился сыграть его аж в трех фильмах: «Уинстон Черчилль: глухие годы» (Churchill: The Wilderness Years), «Война и память» (War and Remembrance) и «Черчилль: 100 дней, которые спасли Британию» (Churchill: 100 Days That Saved Britain).

При жизни Черчилль, как и Тревелиян, хорошо понимал значение истории и — не в последнюю очередь — значение своей роли в ней. В его остроумной похвальбе — «Я не всегда бывал неправ. История оправдает меня, в особенности если я сам возьмусь за ее написание» — была лишь доля шутки. Ведь это именно то, чем он занимался с начала своей карьеры, выдавая на протяжении последующих десятилетий все новые самооправдания.

* Среди предков У. Черчилля были Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, главнокомандующий английской армией в Войне за испанское наследство (1702–1714), и Леонард Джером, американский финансист и предприниматель. Прозвище «янки Мальборо» использовалось в качестве заглавия к биографии У. Черчилля американского историка Р. Томпсона, опубликованной в 1963 г. — *Прим. науч. ред.*

Сейчас, в начале XXI века, канонизированный образ Черчилля как главного полководца империи подвергается критике со стороны небольшого, но эффективно действующего меньшинства противников колониализма. В этом нет ничего необычного, если оглянуться на прецеденты в прошлом. Как отметила антиковед Мэри Бирд в своем регулярно обновляемом блоге *A Don's Life* на сайте *The Times Literary Supplement**, такова была судьба многих римских цезарей в эпоху существования той империи. Традиция сохранялась и в позднейших империях Европы. Одним из самых кровавых преступников, которых когда-либо порождала Европа, был король Бельгии Леопольд. Его правление в Конго — стране, которой он распоряжался как своей собственностью, — и совершенные за это время зверства привели к гибели нескольких миллионов африканцев. Его статуи в Бельгии сносили весной 2020 г. во время протестов, вызванных движением *Black Lives Matter* в США. Был ли снос статуй всего лишь секундной судорогой, после которой все опять вернется к постимперскому благообразию (как это часто бывает), покажет будущее.

Несмотря на бесспорный талант Черчилля по части саморекламы, что в свое время изрядно раздражало его либеральных и консервативных коллег, ему в конечном итоге не потребовалось «самому браться за написание истории». Он был бы в восторге не только от усердия эпигонов, полирующих его образ, но и от беззубой критики тех немногих, кто выступает против. Он всегда внимательно следил за книжным рынком — и не сильно переживал из-за отрицательных отзывов, если они помогали увеличить продажи. Денег постоянно не хватало.

Вряд ли, однако ж, он отнесся бы столь же терпимо к выступлениям против имперской миссии Великобритании — будь это

* *The Times Literary Supplement* (TLS) — британский журнал, посвященный литературной критике. Начал публиковаться с 1902 г. как приложение к газете «Таймс». Блог Мэри Бирд находится по адресу <https://www.the-tls.co.uk/categories/regular-features/mary-beard-a-dons-life/> — Прим. пер.